

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУРСАХ

Ключевые слова: дискурс, текст, литературный диалог, интердискурсивность, интертекстуальность, немецкий язык, русский язык.

В настоящее время интертекстуальность представляет собой одно из самых привлекательных направлений лингвистического анализа речевых произведений. Изучение межтекстовых и интердискурсивных связей позволяет расширить наши представления о смысловых взаимоотношениях, возникающих между отдельными текстами, выявить и проанализировать сложные структурно-типологические отношения между текстом и классом (группой, типом) текстов, обладающих сходными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. Особняком стоит вопрос о структурировании типологических взаимосвязей между отдельными типами текстов и отдельными дискурсами. Интертекстуальность как явление сопровождает человека на протяжении всей истории культуры, воплощенной в текстах, и затрагивает практически все сферы коммуникации. Тем самым она выступает в качестве неотъемлемого признака литературной коммуникации, характерного для разных периодов развития языков и культур. Прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее позволяют преодолеть идиоэтнические рамки языковых систем, сохранить и приумножить культурное наследие литературных предшественников. Нередко интертекстуальность выходит за чисто лингвистические рамки этого понятия, в результате чего речевое произведение, будучи манифестировано в разных медийных пространствах, приобретает новые свойства. Возможность представления литературных текстов в разных медийных средствах коммуникации с неизбежностью влечет за собой необходимость учета соответствующих «интермедийных» характеристик. Приведенные в статье примеры взяты из литературных источников, начиная с XVI века до настоящего времени, что позволяет проследить некоторые тенденции развития интертекстуальности в разные периоды развития языка и культуры.

К. А. FILIPPOV

St. Petersburg State University

SOME ASPECTS OF INTERTEXTUALITY IN GERMAN AND RUSSIAN LITERARY DISCOURSES

Keywords: discourse, text, literary dialogue, interdiscursivity, intertextuality, German language, Russian language.

Currently, intertextuality is one of the most attractive directions in the linguistic analysis of speech products. The study of intertextual and interdiscourse connections

allows us to expand our understanding of semantic relationships between individual texts, to identify and analyze complex structural and typological relations between a text and a class (group, type) of texts sharing similar linguistic and extra-linguistic characteristics. The problem of structuring typological interrelations between separate types of texts and separate discourses stands apart. Intertextuality as a phenomenon accompanies a person throughout the history of culture embodied in the texts, and affects almost all areas of communication. Thus, it acts as an integral feature of literary communication, characteristic for different periods of development of languages and cultures. Direct and hidden references from one text to another, integration of a source text fragment into another text (or a text fragment), conversion of one holistic text into another holistic text, etc. allow to overcome the idio-ethnic framework of language systems, preserve and enhance the cultural heritage of literary predecessors. Often, intertextuality goes beyond the purely linguistic framework of this concept, as a result of which a speech product, being manifested in different media spaces, acquires new properties. The possibility of presenting literary texts in different traditional and new media inevitably entails the need to take into account the relevant intermedia characteristics. The examples given in the article are taken from literary sources, starting from the 16th century up to the present, which allows us to trace some trends in the development of intertextuality in different periods of language and culture.

1. Предварительные замечания

В качестве вступления к теме настоящей статьи целесообразно обратиться к мнению ученых, обозначивших ключевые направления развития современной теории интертекстуальности. В.Б. Касевич, говоря о связи языка и культуры, признает, что «культура как таковая по природе диалогична» [12, с. 223], и в то же самое время подчеркивает, что именно в тексте «обнаруживаются черты диалогоцентричности — использования стратегий, нормально обслуживающих диалог» [12, с. 224]. Со своей стороны, М.М. Бахтин определил главный принцип подхода к установлению межтекстовых отношений при анализе конкретного речевого произведения: «Два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ничего друг о друге, если они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения» [3, с. 485–486]. Наконец, К. Гаузенблаз выявил и описал закономерности построения и функционирования:

- 1) текстов с простой/сложной структурой;
- 2) свободных/зависимых речевых произведений;
- 3) прерывных/непрерывных речевых произведений [8, с. 64–76].

Представленные выше позиции предвосхитили развитие лингвистического анализа интертекстуальности по двум основным направлениям: с одной стороны, это лингвистический анализ смысловых отношений между одним конкретным речевым произведением и другим конкретным речевым произведением (другими конкретными речевыми произведениями), а с другой — рассмотрение принадлежности конкретного текста к определенному классу (группе, типу) текстов.

Принимая во внимание, что в настоящей статье под дискурсом понимается «совокупность текстов, соотнесенных друг с другом на основе общих семантико-тематических, прагматических и когнитивных отношений» [21, с. 50], то соответственно этой дефиниции в статье анализируются различные проявления межтекстовых связей в немецких и русских литературных дискурсах, то есть текстах как представителях того или иного дискурса. Это могут быть прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее. Отдельной разновидностью интертекстуальности выступает художественный перевод как своеобразный культурный перенос одного измерения текста в другое измерение текста [22, с. 46]. Трудность этого культурного переноса, по словам В. И. Шадрина, «заключается в многомерности художественного текста, в его связях и ассоциациях с другими текстами и единицами языка» [22, с. 47].

Примеры взяты из литературных источников, начиная с XVI века до настоящего времени, что позволяет проследить некоторые тенденции развития интертекстуальности в разные периоды развития языка и культуры.

2. Интертекстуальность в истории культуры

Интертекстуальность как явление сопровождает человека на протяжении всей истории культуры, воплощенной в текстах, и затрагивает практически все сферы коммуникации. П. Е. Бухаркин, анализируя русские риторические трактаты второй половины XVIII — первой трети XIX века, приходит к мысли, что обязательное обращение автора к классическим литературным образцам можно рассматривать как возможность почерпнуть идеи «из

своеобразного словесного резервуара, представляющего культуру в целом» [6, с. 77], как «оптимальный способ словесного воплощения собственного смысла» [6, с. 77]. Иными словами, нередко интертекстуальные включения в литературном тексте — это «знаки причастности к классической традиции» [6, с. 78].

В качестве примера такого обращения к классической традиции обратимся к одной из эпиграмм Джона Оуэна, написанной на латинском языке в начале XVII века и посвященной известному произведению Эразма Роттердамского «Похвала глупости» (*Lob der Torheit*, 1509):

Erasmii Moria

Stultitiae laudem scripsisti primus, Erasme,

Indicat ingenium Stultitia ista tuum (Galle und Honig, S. 130).

В немецком переводе этот текст звучит следующим образом:

Die Torheit des Erasmus

Du hast als erster, Erasmus, das „Lob der Torheit“ geschrieben,

aber die Torheit von dir ist ein Beweis des Genies (Galle und Honig,

S. 131).

«Глупость Эразма

Ты первый, Эразм, вознес „Похвалу глупости“,

Но эта глупость твоя — свидетельство гения» (перевод здесь и далее мой, если не указано иное. — К. Ф.).

В эпиграмме Оуэна имеются две прямые отсылки к тексту Эразма Роттердамского — имя автора и название произведения. Прямое обращение к Эразму, казалось бы, предполагает личное знакомство Оуэна с автором «Похвалы глупости», однако эти два текста разделяет целое столетие. Несомненно, эпиграмма направлена образованному читателю, знакомому с текстом первоисточника, при этом Оуэн использует типовую форму эпиграммы для выражения собственной высокой оценки произведения. Но тем не менее здесь налицо разновекторная адресованность эпиграммы — лично Эразму и образованному читателю. Этот пример подтверждает слова Бахтина о том, что «воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение, цитирование) есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в речевой цепи речевого общения» [3, с. 476].

Рассмотрим более поздний литературный пример из XX века. Музыкальная пьеса Б. Брехта «Трехгрошовая опера» (*Die Dreigroschenoper*) начинается примечательным зонгом, посвященным представлению главного отрицательного героя пьесы — Мэки Мэхита (*Mackie Machheath*), именуемого Мэки-Ножом (*Mackie Messer*). Первое четверостишие этого зонга стало крылатой фразой и повторяется в разных контекстах:

*Und der Haifisch, der hat Zähne,
Und die trägt er im Gesicht,
Und Macheath, der hat ein Messer,
Doch das Messer sieht man nicht* (Brecht, S. 31–32).

«У акулы — зубы-клинья,
Все торчат, как напоказ,
А у Мэки — нож, и только,
Да и тот скрыт от глаз» (перевод С. Апта) (Брехт, с. 5).

Одним из примеров современного заимствования лексического и синтаксического материала Брехта является известная песня немецкой рок-группы «Раммштайн» (*Rammstein*). В этой песне рефреном проходит примечательное четверостишие:

*Und der Haifisch, der hat Tränen,
Und die laufen vom Gesicht
Doch der Haifisch lebt im Wasser,
So die Tränen sieht man nicht* (Rammstein).

Воспроизведением лексической, синтаксической и ритмической структуры первоначального текста (*Haifisch — Zähne / Haifisch — Tränen, im Gesicht / vom Gesicht, sieht man nicht / sieht man nicht*) автор современного варианта пытается максимально облегчить аудитории узнавание знаменитого предшественника. В данном случае уместно вспомнить приведенное Лессингом мнение неких лиц по поводу комментария Вольтера стихов Корнеля: «Пример, который он подает, единственен в своем роде; он покидает, так сказать, свое собственное поле, чтобы работать на поле соседа и сделать его лучше»¹.

В отличие от Вольтера группа Раммштайн использует речевой материал Брехта не для того, чтобы улучшить первоисточник,

¹ «Das Beispiel, das er gibt, ist einzig; er verläßt sozusagen sein eigenes Feld, um auf dem Acker seines Nachbarn zu arbeiten und ihn wertvoller zu machen» [24, S. 648].

а скорее для того, чтобы таким образом приобщиться к немецкой музыкально-драматической традиции (см. цитату Бухаркина о «знаках причастности к классической традиции» выше).

3. Семантико-грамматические аспекты интертекстуальности

Тот факт, что грамматика выступает в качестве одного из компонентов, определяющих своеобразие литературного произведения, подкрепляется многочисленными примерами в истории европейской и отечественной культуры. В частности, литературный критик начала XIX века А. Ф. Воейков, анализируя сказку А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», осуждает «огерманизированный вкус» литературы своего времени и иронизирует над «жалкими стихотворцами, которые прямо из-за букваря начали сочинять стихи и у которых и грамматика, и синтаксис, и выражения взяты из Готшедовой „Немецкой грамматики“» [7, с. 67–68]. Интересно, что сам Пушкин, словно откликаясь на слова критика, оценивает роль грамматики следующим образом: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи» (Пушкин II, с. 491).

Как известно, немецкий и русский языки обладают идентичным составом знаменательных и служебных частей речи, однако, как справедливо утверждает С. Т. Нефёдов, «типологические различия обнаруживаются здесь не в количестве частей речи (оно минимально), а в их морфолого-грамматических свойствах — способности изменяться по тем или иным грамматическим категориям и их разрядам» [14, с. 340].

Случаи искажения первоначального поэтического образа при переводе, обусловленные типологическими различиями лексической и грамматической систем немецкого и русского языков, регулярно повторяются в истории литературы. Для этого достаточно вспомнить рассуждения А. А. Потебни о «видах поэтической иносказательности», представленных в переводах стихотворения Генриха Гейне *Ein Fichtenbaum steht einsam* М. Ю. Лермонтовым и Ф. И. Тютчевым [17, с. 141]. Затем уже основатель лингвистической теории перевода А. В. Федоров еще раз обращается к анализу этого примера, подчеркивая, что «формально-грамматический элемент языка играл для них принципиально важную роль, с соблюдением которой некоторые из них совместили и частичную передачу вещественной стороны образа хвойного дерева (кедр)» [20, с. 262].

С подобными проблемами семантико-грамматических различий в немецком и русском языках сталкиваются также переводчики русской литературы на немецкий язык.

Приведем небольшой стихотворный пример из поэтического творчества Анны Ахматовой. Этому лирическому тексту в качестве эпиграфа предпослана строка из стихотворения Иннокентия Анненского: *Опять ты со мной, подруга осень!* (Achmatowa, S. 120). Далее в строках Ахматовой метафора «осень — подруга» повторяется:

*Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году* (Achmatowa, S. 120).

Но вот в немецком варианте стихотворения происходит вполне понятная метаморфоза, обусловленная семантико-грамматическими причинами: в немецком языке слово *Herbst* 'осень' мужского рода, а не женского (как в русском языке). Поэтому и эпиграф Анненского *Du bist wieder bei mir, Freund!* (Achmatowa, S. 121), и текст Ахматовой, ср.:

*Wenn auch noch mancher sich erholt im Süden
Und sich im Paradiese wohlig quält —
Hier ist es nördlich, und den Herbst zum Freunde
Hab ich in diesem Jahre mir erwählt*
(перевод Г. Чеховски / H. Czechowski) (Achmatowa, S. 121) —

получают в немецком тексте несколько иное смысловое содержание. Этот пример интересен также тем, что в нем снова налицо разнонаправленность интертекстуальных отношений: своеобразная межтекстовая переключка, с одной стороны, между текстом Анненского и текстом Ахматовой, а с другой — между русским и немецким вариантами стихотворения.

В сфере местоимений также наблюдаются любопытные явления при передаче содержания первичного источника в переводе с одного языка на другой. С. С. Аверинцев дает образец анализа причин замены В. И. Жуковским вежливого *Ihr* 'Вы' на фамильярное *Du* 'Ты' в балладе Шиллера «Рыцарь Тогенбург» (Ritter Toggenburg) [1]. Такая местоименная замена обусловлена типологическими различиями в системах немецкого и русского языков, причем эти различия действуют в обоих направлениях.

Интересно, что тем же самым приемом местоименной замены воспользовался однажды известный немецкий переводчик русской литературы XIX века Фридрих Боденштедт (1819–1892) при переводе стихотворения Пушкина «Я вас любил...» (1829):

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то нежностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим (Пушкин III).*

В переводе Боденштедта это стихотворение приобрело следующий вид (здесь сохранена орфография издания XIX века):

*Ich liebte Dich: vielleicht ist dieses Feuer
In meinem Herzen noch nicht ganz verlüht;
Doch Deine Ruh ist mir vor allem theuer,
Durch nichts betrüben will ich Dein Gemüth.
Ich liebte Dich, stumm, hoffnungslos und schmezlich,
In aller Qual, die solche Liebe giebt —
Ich liebte Dich so wahrhaft und so herzlich,
Gott geb', daß Dich ein andrer je so liebt! (Puschkin II, S. 18).*

Необходимо заметить, что немецкий вариант пушкинских строк прекрасно передает настроение первоисточника. В небольшой статье нет необходимости подвергать весь текст перевода скрупулезному лингвистическому анализу, но хочется поразмышлять над странной метаморфозой, произошедшей с именованием объекта обожания автора: вежливая форма обращения на «Вы» уступила место более фамильярному местоимению 1-го лица *Dich* 'тебя', хотя и представленному в написании с заглавной буквы. Тем самым Боденштедт вольно или невольно исказил смысл отношений между автором и объектом его обожания. В русском варианте автор даже в собственных мыслях не решаетя преодолеть ту дистанцию, которая отделяет его от объекта любви. Он говорит о своей любви как о чем-то далеком и недостижимом. И свое обожание, и несбыточность своей любви он передает посредством вежливой формы *Вы*. Боденштедт же при помощи изящной «местоименной игры»

придает интимный характер взаимоотношениям главных героев и тем самым достигает непосредственного контакта с читателем.

Рассмотрим еще один пример местоименной игры в небольшом фрагменте из переведенной Боденштедтом пушкинской «Русалки». Встреча князя с мельником и его дочерью начинается с обмена приветствиями:

Князь

Здорово, милый друг.

Здорово, мельник.

Мельник

Милостивый князь,

Добро пожаловать. Давно, давно

Твоих очей мы светлых не видали (Пушкин I, с. 488).

В немецком переводе этот фрагмент выглядит следующим образом:

Fürst

Gott grüß' Dich, meine Liebe!

Wie geht's Euch, Müller?

Müller

Gnäd'ger Fürst,

ich wünsche Euch alles Gute. Schon so lange haben

Wir Eure hellen Augen nicht gesehn (Puschkin I, S. 178).

При сопоставлении русского и немецкого вариантов начала беседы обращают на себя внимание некоторые речевые несоответствия: в русском варианте этого фрагмента Пушкин использует одинаковую разговорную формулу начала беседы между князем и его собеседниками — мельником и его дочерью: **Здорово, милый друг.** / **Здорово, мельник.** В немецком тексте приветствие варьируется в зависимости от обращения князя к дочери: **Gott grüß' Dich, meine Liebe!** и к ее отцу: **Wie geht's Euch, Müller?** Для понимания причин такого расхождения необходим углубленный филологический комментарий.

В «Словаре русского языка XVIII века» имеется отдельная словарная статья, в которой отмечается, что слово *здорово* — это просторечный вариант приветствия *здравствуй*, которым обменива-

ются люди при встрече [19, с. 158]. Примерно такая же дефиниция приводится в толковом словаре В. Даля: «Здорóво! Привет, пожеланье: здравствуй, здоров ли» [10, с. 698]. В современной русской грамматике (как и в грамматике XVIII века) такие слова относятся к междометиям, «обслуживающим сферу этикета» [13, с. 343].

В словаре И. Аделунга выражение *Gott grüße dich!* трактуется как «обычное приветствие лиц низкого происхождения между собой, равно как и лиц более высокого происхождения по отношению к лицам более низкого происхождения»². В двуязычном «Полном немецко-русском лексиконе» (1798) приводятся следующие интерпретации этих двух разговорных формул: «*Gott grüße dich!* Бог в помощь! здравствуй» [26, S. 730] и «*Wie geht es ihnen*, каково поживаешь» [26, S. 651].

Вероятно, разница в выборе местоимения 1-го лица единственного числа (*Dich*) по отношению к дочери мельника и местоимения 1-го лица множественного числа (*Euch*) по отношению к ее отцу при переводе объясняется различиями в определении социальной (межличностной) дистанции партнеров по коммуникации, характерными для немецкого и русского речевого обихода. Дело заключается в том, что в немецком речевом обиходе на протяжении всего XVIII и вплоть до начала XIX века сохранялась пятизвенная система местоимений, представляющих разряды категории вежливости, «респекта» (Kategorie Respekt): *ich — du — er/sie — Sie — dieselben* [25, S. 128–129]. Такая система позволяла передавать самые тонкие оттенки межличностных отношений при общении.

В русском языке дело обстояло несколько иначе. В «Пространной русской грамматике» Н. И. Греча (1830) приводится соответствие между русскими местоимениями 1-го (*я, мы*) и 2-го (*ты, вы*) лица и немецкими аналогами (*ich, wir*) и (*du, ihr*) [9, с. 240], но нет никакого упоминания о возможности использования личных местоимений для передачи вежливого отношения к собеседнику. В толковом словаре В. И. Даля зафиксирована возможность употребления («из вежливости») формы множественного числа личного местоимения *вы* по отношению «к человеку, который один многих сто́ит» [10, с. 283]. Тем не менее, как показывает приведенный выше пример русского перевода немецкого вежливого приветствия *Wie geht es ihnen* про-

² «...ein gewöhnlicher Gruß geringerer Personen gegen einander, ingleichen Höherer gegen Geringere)» [23, S. 841].

сторечной разговорной формулой *каково поживаешь*, в русском речевом обиходе выражение вежливого отношения к собеседнику, «который один многих сто́ит», соблюдалось еще не всегда.

4. Воспроизводимость как необходимый аспект интертекстуальности

В данном разделе статьи рассмотрим любопытный текстовый фрагмент, иллюстрирующий одно из базовых положений М. Бирвиша о процессах восприятия речевого сообщения: «Понимание естественного языка есть в высшей степени автоматический и в значительной степени спонтанный процесс» [5, с. 103].

Молодая девушка, никогда не читавшая Шекспира, отправляется на оперу «Othello» и читает в программке: «she loved me for the pains I have suffered». «Мама! — восклицает девушка, — Тут написано, что она любила его за его страдания?» — «Она его за муки полюбила», — почти механически исправляет её мать (пример взят из: [16, с. 35]).

В представленном примере речь идет о словах Отелло, посвященных любимой супруге Дездемоне: *she loved me for the pains I have suffered*. Вариант буквального перевода данной фразы *она любила его за его страдания* не устраивает мать девушки, и она предлагает дочери свою версию.

Вариант перевода фразы *she loved me for the pains I have suffered* как

*Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье к ним (Шекспир I, с. 298)*

принадлежит П. И. Вейнбергу, и именно его версию следует признать наиболее известным вариантом перевода. Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время существуют разные варианты перевода произведений Шекспира, но именно П. И. Вейнберг сумел наиболее точно представить эмоциональное содержание трагедии «Отелло». Для сравнения мы можем привести данные слова в переводе М. Л. Лозинского, но в нем строки Шекспира представлены в ином, менее известном речевом облике:

*Я стал ей дорог тем, что жил в тревогах,
А мне она — сочувствием своим (Шекспир II, с. 23).*

К тому же росту популярности фразы *Она меня за муки полюбила* в немалой степени способствовала экранизация «Отелло» на «Мосфильме» в 1955 году с Сергеем Бондарчуком в заглавной роли. Именно эти слова актер произносит в эпизоде, снятом крупным планом и производящем большое впечатление на зрителей. Несомненно, этот эпизод и проникновенные слова Отелло о Дездемоне *Она меня за муки полюбила, / А я ее за состраданье к ним* запомнились многим зрителям.

Таким образом, слова Отелло *Она меня за муки полюбила* стали известны широкой аудитории русскоязычных читателей и зрителей, они стали повторяться в многочисленных изданиях произведений Шекспира, они встречаются на страницах научных, научно-популярных и справочных публикаций, в печатной и электронной прессе, они звучали и звучат на подмостках театров и в зрительных залах. Именно в этом словесном варианте они стали повторяться в речевом обиходе и тем самым приобрели особый статус — статус воспроизводимого высказывания (если пользоваться терминологией В. Г. Адмони; см., например: [2]). Даже небольшая модификация в приведенном фрагменте, выразившаяся в замене местоимения 1-го лица *меня* на местоимение 3-го лица *его*, не лишает узнаваемости данную крылатую фразу.

В этой связи особого внимания заслуживают мысли В. М. Павлова о значении воспроизводимости в исследовании текста: «Воспроизводимость основывается на памяти. Память же содержит в себе языковые образования, так или иначе соотнесенные, *ассоциированные* друг с другом, и обсуждая вопрос о *выборе* говорящим конкретного способа выражения, лингвист обращается к элементам языковой системы, которые объединены в сообщества посредством ассоциаций в „языковом сознании“ индивидов...» [15, с. 290].

Именно в силу общеизвестности фразы *Она меня за муки полюбила* мать девушки в рассматриваемом примере «механически», то есть спонтанно, обращаясь к своему «языковому сознанию», направляет слова своей дочери.

Несомненно, стройное и логичное развертывание текста способствует правильному пониманию содержания реципиентом. Новейшие экспериментальные исследования подтверждают тезис о важности грамматического и семантического контекстов в процессе восприятия речи, причем важную роль в процессе восприятия играют как левый, так и правый контекст (при бóльшей «пред-

сказательной силе» левого контекста) (подробнее см.: [18, с. 126–127]). В этой связи уместно вспомнить следующее правило, сформулированное Т. А. ван Дейком и У. Кинчем: «В процессе понимания текста происходит образование структур, которые представляют собой весьма эффективные поисковые системы. Материал организуется в порции информации, конструируемые в соответствии с существовавшими прежде единицами памяти, при этом порции памяти тесно взаимосвязаны, что обеспечивается связностью микро- и макроструктур текстовой базы» [11, с. 198].

В сборнике немецких разговорных выражений «на все случаи жизни» (*für alle Lebenslagen*) в рубрике «Дружеские предостережения» (*Freundschaftlich gemeinte Mahnungen*) среди прочих приводится следующая фраза и пояснение к ней: «*Trag bloß kein Bier nach München. (statt: Eulen nach Athen tragen)*» [27, S. 41]. В русском языке этим выражениям соответствует идиома *ехать в Тулу со своим самоваром*. Общим смысловым стержнем этих идиом является сентенция «везти что-л. туда, где этого имеется в избытке» [4, с. 160]. Иными словами, общность смысла позволяет преодолеть идиоэтнические особенности немецкого и русского языков и установить межтекстовые взаимосвязи, несмотря на апелляцию к разным референтным (*Bier — Eulen — самовар; München — Athen — Тула*) и предикатным (*tragen — ехать*) составляющим данных выражений.

5. Заключение

В настоящее время интертекстуальность представляет собой одно из самых привлекательных направлений лингвистического анализа речевых произведений. Изучение межтекстовых и интердискурсивных связей позволяет расширить наши представления о смысловых взаимоотношениях, возникающих между отдельными текстами, выявить и проанализировать сложные структурно-типологические отношения между текстом и классом (группой, типом) текстов, обладающих сходными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. Особняком стоит вопрос о структурировании типологических взаимосвязей между отдельными типами текстов и отдельными дискурсами.

Интертекстуальность выступает в качестве неотъемлемого признака литературной коммуникации, характерного для разных пе-

риодов развития языков и культур. Прямые и скрытые отсылки от одного текста к другому, интеграция фрагмента исходного текста в другой текст (или фрагмент текста), преобразование одного целостного текста в другой целостный текст и так далее позволяют преодолеть идиознательские рамки языковых систем, сохранить и приумножить культурное наследие литературных предшественников.

Анализ примеров показывает, что в ряде случаев интертекстуальность выходит за чисто лингвистические рамки этого понятия, в результате чего речевое произведение, будучи манифестировано в разных медийных пространствах, приобретает новые свойства. Ср., например, восприятие прочитанной в книге фразы *Она меня за муки полюбила* из трагедии Шекспира и эмоциональное восприятие тех же слов, сопровождаемых визуальным и звуковым рядом, в фильме С. Бондарчука. Или сравним музыкальное представление зонга Брехта в театре Берлина 1930-х годов и современное исполнение группой «Раммштайн» заимствованных словесных элементов и поэтических ритмов Брехта (*Haifisch — Zähne / Haifisch — Tränen; im Gesicht / vom Gesicht; sieht man nicht / sieht man nicht*) в песне Haifisch. Таким образом, возможность представления литературных текстов в разных медийных пространствах с неизбежностью влечет за собой необходимость учета соответствующих «интермедийных» характеристик.

Источники

Брехт — *Брехт, Б.* Трехгрошовая опера / пер. с нем. С. Апта. М.: Искусство, 1958. 132 с.

Пушкин I — *Пушкин, А. С.* Русалка // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1986. С. 486–506.

Пушкин II — *Пушкин, А. С.* Заметки и афоризмы разных лет // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 3. Проза. М.: Художественная литература, 1986. С. 488–491.

Пушкин III — *Пушкин, А. С.* «Я вас любил: любовь еще, быть может...» // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 454.

Шекспир I — *Шекспир, В.* Отелло, венецианский мавр / пер. П. Вейнберга; предисл. Л. Полонского // Шекспир В. Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 3. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1903. С. 275–362. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова). <http://rus-shake.ru/translations/Othello/Veinberg/1903/> (дата обращения: 07.11.2018).

Шекспир II — *Шекспир, В.* Отелло / пер. М.Л.Лозинского // Шекспир В. Избр. произведения: в 2 т. / сост. В.П.Комарова. Т.2. СПб.: Беловежская пуща, 1997. С. 6–142.

Achmatowa — *Achmatowa, A.* Poem ohne Held. Poeme und Gedichte russisch und deutsch. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1984. 304 S.

Brecht — *Brecht, B.* Vorwärts und nicht vergessen. Ausgewählte Werke. Moscow: Progress, 1976. 576 S.

Galle und Honig — Galle und Honig. Humanistenepigramme: lateinisch und deutsch / hrsg. von H. C. Schnur, R. Kößling. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1984. 206 S.

Puschkin I — *Puschkin, A.* Die Stromnixe // Puschkin A. Dramatische Werke / deutsch von F. Bodenstedt. Berlin: Verlag der Deckerschen Geheimen Oberhofdruckerei, 1855. S. 173–204.

Puschkin II — Russische Dichter / deutsch von F. Bodenstedt. I. Alexander Puschkin. Bd. 1. Berlin: Verlag der Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1866. 466 S.

Rammstein — *Rammstein.* Haifisch. <https://www.songtexte.de/songtexte/rammstein-haifisch-10504674.html> (дата обращения: 07.11.2018).

Литература

1. *Аверинцев, С. С.* Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: в 2 т. / сост. А. А. Гугнин. Т. 2. М.: Радуга, 1985. С. 553–574.

2. *Адмони, В. Г.* Система форм речевого высказывания. М.: Наука, 1994. 154 с.

3. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 473–500.

4. *Бинович, Л. Э., Гришин, Н. А.* Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Г. Малиге-Клаппенбах, К. Агрикола. 2-е изд. М.: Русский язык, 1975. 656 с.

5. *Бирвиш, М.* Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 93–152.

6. *Бухаркин, П. Е.* Интертекстуальность и риторическая словесность (предварительные замечания) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сб. науч. статей / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2018. С. 65–79.

7. *Воейков, А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Пушк. комиссия

РАН; Гос. пушк. театр. центр в С.-Петербурге. СПб.: Гос. пушк. театр. центр, 1996. С. 36–68.

8. *Гаузенблаз, К.* О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред., вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 57–78.

9. [*Греч, Н.И.*] Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1. 2-е изд. СПб.: В тип. издателя, 1830. 408 с.

10. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. Т. 1. А–З. М.; СПб.: Изд. типографа-книгопродавца М.О.Вольфа, 1880. 723 с.

11. *Дейк, Т.А. ван, Кинч, В.* Стратегии восприятия связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.

12. *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петерб. востоковедение, 1996. 288 с.

13. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

14. *Нефёдов, С.Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 354 с.

15. *Павлов, В.М.* В защиту «психологизма» в языкознании // Павлов В.М. Германская филология и общее языкознание / отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 276–295.

16. *Павлова, А.В., Светозарова, Н.Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2012. 480 с.

17. *Потебня, А.А.* Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.

18. *Риехакайнен, Е.И.* Восприятие русской устной речи: контекст + частотность: [монография]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 270 с.

19. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 8. (Залезть — Ижоры). СПб.: Наука, 1995. 256 с.

20. *Федоров, А.А.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

21. *Филиппов, К.А.* Немецкая лингвистическая терминология в контексте процессов глобализации // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 14. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 45–54.

22. *Шадрин, В.И.* Университетское переводоведение: учебник. СПб.: ВВМ, 2017. 292 с.

23. *Adelung, J.Ch.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber

der Oberdeutschen, 2. Aufl. Theil 1: A–E. Leipzig: J. G. I. Breitkopf und Co., 1793. 1993 S.

24. *Lessing, G. E.* Die Hamburgische Dramaturgie. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1972. 651 S.

25. *Schepaniak, R.* Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2011. 211 S.

26. Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammatisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen / hrsg. von einer Gesellschaft von Gelehrten. Bd. 1. A–L. St. Petersburg: Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798. 1048 S.

27. *Willen, G.* Niveau ist keine Hautcreme. Gepflegte Sprüche für alle Lebenslagen. Berlin: Ullstein, 2008. 223 S.

References

1. Averintsev, S. S. Reflections on Zhukovsky's Translations. *Zarubezhnaia poeziia v perevodakh V. A. Zhukovskogo*, in 2 vols, comp. by A. A. Gugin, vol 2. Moscow, Raduga Publ., 1985, pp. 553–574. (In Russian)

2. Admoni, V. G. *The System of Speech Utterance Forms*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 154 p. (In Russian)

3. Bakhtin, M. M. The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of the Philosophical Analysis. *Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986, pp. 473–500. (In Russian)

4. Binovich, L. E., Grishin, N. A. *German-Russian Phraseological Dictionary*, ed. by H. Malige-Klappenbach, K. Agrikola, 2nd ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1975, 656 p. (In Russian)

5. Bierwisch, M. How On-line is Language Processing? *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 23, Kognitivnye aspekty iazyka, comp., ed., introd. by V. V. Petrov, V. I. Gerasimov. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 93–15. (In Russian)

6. Bukharkin, P. E. Intertextuality and Rhetorical Literature (Preliminary Remarks). *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy: sb. nauch. statei*, ed. by A. A. Karpova, A. D. Stepanova. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 65–79. (In Russian)

7. Voeikov, A. F. Analysis of “Ruslan and Liudmila” poem, works by Alexandr Pushkin. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1820–1827*, Pushk. komissii RAN; Gos. pushk. teatr. tsentr v S.-Peterburge. St. Petersburg, Gos. pushk. teatr. tsentr Publ., 1996, pp. 36–68. (In Russian)

8. Hausenblas, K. On the Characteristics and Classification of Speech Works. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 8, Lingvistika teksta, comp., ed., introd. T. M. Nikolaeva. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 57–78. (In Russian)

9. [Grech, N.I.] *Extensive Russian Grammar, Published by Nikolai Grech*, vol. 1, 2nd ed. St. Petersburg, V tip. izdatelia Publ., 1830, 408 p. (In Russian)
10. Daľ, V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*, in 4 vols., 2nd ed, vol. 1, A–Z. Moscow; St. Petersburg, Izd. tipografa-knigoprodavtsa M. O. Vol'fa Publ., 1880, 723 p. (In Russian)
11. Dijk, T.A. van, Kintsch, V. Strategies of Discourse Comprehesion. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 23, Kognitivnye aspekty iazyka, comp., ed., introd. by V.V.Petrov, V.I.Gerasimov. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 153–211. (In Russian)
12. Kasevich, V.B. *Buddhism. Worldview. Language*. St. Petersburg, Peterb. vostoekovedenie Publ., 1996, 288 p. (In Russian)]
13. *Brief Russian Grammar*, V.N. Belousov, I.I. Kovtunova, I.N. Kruchinina et al., ed. by N. Iu. Shvedova, V.V. Lopatin. Moscow, Russskii iazyk Publ., 1989, 639 p. (In Russian)
14. Nefedov, S.T. *Theoretical Grammar of the German Language. Morphology: A Textbook*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, 354 p. (In Russian)
15. Pavlov, V.M. In Defense of “Psychologism” in Linguistics. *Pavlov V.M. Germanakaia filologiiia i obshchee iazykoznanie*, ed. by N.L. Sukhachev. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 276–295. (In Russian)
16. Pavlova, A.V., Svetozarova, N.D. *Difficulties and Possibilities of Russian-German and German-Russian Translation: Reference Book*. St. Petersburg: Antologiiia Publ., 2012, 480 p. (In Russian)
17. Potebnia, A.A. *Theoretical Poetics*, comp., introd., comment. by A.B. Muratov. Moscow, Vysshaiia shkola Publ., 1990, 344 p. (In Russian)
18. Riekhakainen, E.I. *Perception of Russian Oral Speech: Context + Frequency: [monography]*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2016, 270 p. (In Russian)
19. *Dictionary of Russian 18th Century*, issue 8, (Zalezť — Izhory). St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, 256 p. (In Russian)
20. Fedorov, A.V. *Foundations of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)*, 4th ed. Moscow, Vysshaiia shkola, 1983, 303 p. (In Russian)
21. Filippov, K.A. German Linguistic Terminology in the Context of Globalization. *Rusakaia germanistika: ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov*, vol. 14. Moscow, Izdatel'skii dom IASK, 2017, pp. 45–54. (In Russian)
22. Shadrin, V.I. *University Translatology: A Textbook*. St. Petersburg, VVM, Publ., 2017, 292 p. (In Russian)
23. Adelung, J.Ch. *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*, 2nd ed., part 1, A–E. Leipzig, J.G.I. Breitkopf und Co., 1793, 1993 p.
24. Lessing, G.E. *Die Hamburgische Dramaturgie*. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1972, 651 p.
25. Schepaniak, R. *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 211 p.

26. *Vollständiges Deutsch-Russisches Lexicon, nach dem grossen grammattikalisch-kritischen Wörterbuche des Herrn Adelung ausgearbeitet, und mit allen zur vollkommenen Kenntniß der deutschen Sprache nöthigen Phraseologien und Erläuterungen versehen*, ed. by Society of scholars, vol. 1, A–L. St. Petersburg, Kayserliche Buchdruckerey bey J. J. Weitbrecht, 1798, 1048 p.

27. Willen, G. *Niveau ist keine Hautcreme. Gepflegte Sprüche für alle Lebenslagen*. Berlin, Ullstein, 2008, 223 p.

Филиппов Константин Анатольевич

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.filippov@spbu.ru;

SPIN-код: 3117-6803; ResearcherID: P-4563-2015; ORCID: 0000-0001-8702-6112